

Некролог как институциональное высказывание

Кира Андреевна Оникко^[1]

✉ kirin.klik@gmail.com

ORCID: 0009-0000-7805-2001

^[1] Пропповский центр: Гуманитарные исследования в области традиционной культуры, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:

Оникко, К. А. (2025). Некролог как институциональное высказывание. *Фольклор и антропология города*, VII(1), 14–36. DOI: 10.22394/2658-3895-2025-7-1-14-36.

Современному человеку привычно идентифицировать себя и других через профессиональное сообщество, к которому он принадлежит. Особенно это заметно в жанре некролога, где трудовая биография, общественные заслуги и набор деловых качеств покойного затмевают его личностные черты и качества. В итоге указание на профессию, причастность к конкретной организации и перечисление достижений в работе становятся неотъемлемой чертой жанра современных некрологов. Порядок публикации некролога в газете отражает актуальную социальную иерархию и демонстрирует социальный статус покойного при жизни. Автор некролога зачастую представлен как коллективный говорящий — представитель конкретной организации. Также причастность к определенным институтам и сферам деятельности прослеживается в оформлении надгробий в пространстве современного городского кладбища — земные успехи умерших нередко фиксируются в пространстве мертвых и, таким образом, увековечиваются. Получается, что институты и учреждения диктуют особый порядок включения покойного в пространство публичной памяти. Статья посвящена способам экспликации профессиональной идентичности покойного и экстернализации его трудовых достижений при помощи институционализированного набора выразительных средств и клише, выбора определенного жизненного сценария для описания жизни умершего. Выводы, изложенные в статье, опираются на данные исследования некрологов, опубликованных в «Царкосельской газете» в 2000–2015 годы — ведущем печатном средстве массовой информации г. Пушкина (город в составе Пушкинского района Санкт-Петербурга), а также на данные анализа надгробий начала XXI века на Кузьминском кладбище — одном из главных кладбищ города.

Ключевые слова: речевой жанр, некролог, кладбище, биография, институт, причастность, память

Obituary as an institutional statement

Kira A. Onipko ^[1]

✉ kirin.klik@gmail.com

ORCID: 0009-0000-7805-2001

^[1] The Propp Centre for Humanities-based research in the Sphere of Traditional Culture, St. Petersburg, Russia

To cite this article:

Onipko, K. A. (2025). Obituary as an institutional statement. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(1), 14–36. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2025-7-1-14-36.

For a modern individual, identifying and classifying oneself and others through the professional community to which one belongs is highly relevant. In modern obituaries, the working life, public service, and professional qualities of the deceased often overshadow their individual personality traits. As a result, references to profession, involvement in specific organizations, and a list of professional achievements have become distinctive and even integral features of modern obituaries. The procedure for publishing an obituary in a newspaper reflects social hierarchy and denotes the social status of the deceased during their lifetime. The author of an obituary is often presented as a collective voice — representatives of a specific organization. Furthermore, the involvement of the deceased in particular institutions and professional fields is frequently evident in the design of tombstones in modern urban cemeteries. The earthly successes of the deceased are often recorded in the space of the dead, thus immortalizing their achievements. Institutions, therefore, dictate a particular procedure for integrating the deceased into the space of public memory. This article will focus on the ways in which the professional affiliations of the deceased are articulated and their working achievements externalized through an institutionalized set of expressive means and clichés. It will also examine the choice of specific life scenarios used to describe the life of the deceased. The conclusions presented in the article are based on data from a study of obituaries (2000–2015) published in the *Tsarskoselskaya Gazeta*, the leading print media outlet in the town of Pushkin (a locality within the Pushkinsky District of St. Petersburg), as well as an analysis of early 21st-century tombstones at Kuzminskoye Cemetery, one of the main burial grounds in the town.

Keywords: obituary, cemetery, biography, institute, involvement, memory

За время работы с текстами некрологов в аспирантуре мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что образ покойного в них определялся через принадлежность к профессиональному сообществу, через описание его деловых качеств. Причем отсылки к профессии и трудовой биографии встречались не только в траурных сообщениях, но и в оформлении надгробных памятников на городских кладбищах. В августе 2020 года мне самой пришлось писать некролог своей коллеге — преподавательнице одной из частных школ Санкт-Петербурга. Я писала его вместе с другой своей более старшей коллегой: нам хотелось звучать как можно более человечно и нешаблонно сказать о по-настоящему дорогом для нас человеке. Но в итоге наш текст все равно начался со слов «Марина Викторовна — одна из тех, кто отдавал себя работе без остатка...», а далее следовал длинный перечень профессиональных качеств и достижений и описание вклада в жизнь школы, ее учеников и сотрудников.

Оказалось, что современный городской некролог даже при самых искренних намерениях своих авторов оказывается зачастую предельно институциональным высказыванием. Иными словами, говоря о человеке посмертно, автор ритуального высказывания обращает внимание именно на профессиональную деятельность (будь то причастность к конкретной организации, сфере деятельности или достижения в работе) и те процессы, через которые можно описать статус и поведение человека в обществе. Здесь важно отметить, что современный некролог в некоторых своих аспектах является прямым наследником некролога советской эпохи, поэтому следует упомянуть о специфике содержания последнего.

Американский исследователь Джефффри Брукс, занимавшийся анализом конструирования публичной идентичности в газете «Правда» 1920-х годов, выяснил, что центральной идеей почти всех представленных в газете некрологов является «служение, т. е. вклад индивида в нечто большее, чем он сам». Идея служения и посмертной славы вообще была характерна для панегириков, встроенных в похоронный дискурс. Однако в данном случае служение полностью поглощало самого «служителя». «Можно сказать, — пишет Брукс, — что равновесие между индивидом и обществом, которое в предреволюционный период нарушалось в пользу индивида, теперь, напротив, стало нарушаться в пользу общества» [Brooks 1991: 31].

Галина Орлова в своей статье «Биография (при)смерти: заметки о советском политическом некрологе» делает попытку анализа политических некрологов за всю историю советской России, от середины 1920-х годов до 1989 года, в газете «Правда», статус которой давал ей право влиять на канон создания политических текстов по всей стране. Исследовательница приводит собственную типологию

политических некрологов: извещения, малые некрологи, большие некрологи и тотальные некрологи. Орлова отмечает, что до середины 1930-х годов малые некрологи являлись по сути «революционными биографиями» и разворачивались на фоне стандартного набора исторических примет времени (подполье, тюрьма, гражданская война). В них, по ее мнению, благодаря деталям все же можно было еще уловить присутствие реального человека. Затем же по мере стандартизации некрологов «вехи жизненного пути будут определяться карьерной траекторией» [Орлова 2009].

Питер Бергер и Томас Лукман писали о том, что человеку необходимо непрерывно экстернализовать себя в деятельности [Бергер, Лукман 1995: 89]. Индивидуальная биография человека оказывается, по их мнению, вписанной лишь в качестве эпизода в жизнь того или иного института, который существовал до рождения человека и будет продолжать жить после его смерти [Там же: 100–101]. Таким образом, биография индивида представляет собой отрефлексированное целое, где разрозненные действия воспринимаются не как отдельные, изолированные друг от друга события, а как взаимосвязанные части субъективно значимого универсума, социально сформулированные и распределенные, требующие институциональной интеграции [Там же: 108–109]. В результате учреждения назначают своим участникам роли, которые должны ими исполняться с учетом всех требований, продиктованных конкретной специализацией — играя эти роли, индивиды становятся участниками социального мира [Там же: 122–123].

Институционализированное сообщество, по мнению Мэри Дуглас, организуя публичную память, влияет на все более низкие уровни мышления, так что отдельные люди осмысливают свои идентичности и классифицируют друг друга исходя из принадлежности к этому сообществу. Люди не осознают эту классификацию, но опираются на нее, пользуясь организацией труда как источником метафор для утверждения себя и знаний о самих себе и о мире: «Это когнитивный процесс, который поглощает их точно так же, как их поглощают стратегии и награды экономической сферы или устройство языка» [Дуглас 2020: 195]. Тому, как квалифицируют и классифицируют покойных через их участие в жизни институтов, и будет посвящена эта статья.

Материалом для моего исследования послужили некрологи, печатавшиеся в «Царскосельской газете» г. Пушкина с 2000 по 2015 год. «Царскосельская газета» является главным периодическим изданием города, освещающим основные события в культуре и социальной жизни Пушкина и Пушкинского района.

Город Пушкин — это город со сотысячным населением, центр Пушкинского района, обладающий весьма богатой историей. Несмотря на то, что также это внутригородская территория Санкт-

Петербурга, одно из его муниципальных образований, в газетных статьях и в том числе в некрологах жители города не именуют себя петербуржцами, предпочитая номинации «пушкинец» или «царскосел». Причастность к определенной территории также задает определенную рамку некрологическим высказываниям об умершем. О функционировании некролога в городском пространстве, в котором «все друг друга знают» и испытывают чувство причастности к общей территории проживания, я писала подробнее в статье «Бытование некролога в социальном порядке небольшого города» [Онишко 2016].

Выбор источника материала был обусловлен уникальностью населенного пункта в культурном и социальном планах. Так, в Пушкине находится Государственный музей-заповедник «Царское Село», многочисленные учреждения: научные (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, различные научно-исследовательские институты и лаборатории Российской академии сельского хозяйства), образовательные (например, лицей № 408, гимназия № 406, кадетский корпус), военные (Пушкинский военный гарнизон, Военный суд, Военно-морской инженерный институт, Военный институт Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского), медицинские (к примеру, Городская больница № 38 им. Н. А. Семашко, Научно-исследовательский детский ортопедический институт им. Г. И. Турнера).

При этом из разговора с заместителем главного редактора «Царскосельской газеты» мне стало известно, что сама редакция не занимается написанием некрологов (если только не умирает кто-либо из собственных журналистов, корреспондентов), ответственным за это считается учреждение или общественная организация, к которой покойный был причастен при жизни. Разнообразие социальных институтов в пределах одного города предоставило мне возможность проанализировать некрологические высказывания об умерших разного рода занятий, разных социальных статусов и ролей от людей, которые являлись их коллегами и соратниками.

В конечном счете для анализа мной было отобрано 173 текста. В количественном представлении материала по годам это выглядит следующим образом: 2000 (1), 2001 (17), 2002 (14), 2003 (13), 2004 (1), 2005 (6), 2006 (12), 2007 (14), 2008 (5), 2009 (10), 2010 (15), 2011 (11), 2012 (13), 2013 (17), 2014 (16), 2015 (8). Я старалась включить в исследование все некрологи, которые выходили в тот или иной год, однако на выборку повлияло то, что не все номера газеты за определенный год сохранились в библиотеках. Также не всегда информация о смерти того или иного лица была дана в виде некролога, иногда она была представлена в виде извещения о смерти, в котором отсутствует важная для меня биографическая часть, а также характеристика жизни и личности умершего.

Исходя из собранного материала, я могу сделать вывод, что некрологи для «Царскосельской газеты», как правило, действительно пишутся от имени коллег покойного или даже целых организаций, к деятельности которых был причастен умерший. В подавляющем большинстве случаев автор некролога представлен как коллективный говорящий. То есть в качестве адресанта выступает все учреждение, в котором работал покойный: в таком случае указывается либо название организации («Пушкинский городской Совет», «Всероссийский Музей Пушкина», «Территориальное управление Павловского и Пушкинского административных районов»), либо социальная группа, к которой принадлежит автор некролога («Депутаты пушкинского муниципального Совета», «Коллеги и друзья», «Коллектив редакции “Царскосельской газеты”», «Ректорат Санкт-Петербургского аграрного университета»). Довольно редко встречается указание на автора некролога, представленного единичным, индивидуальным говорящим. Но если это все же происходит, то, как правило, подчеркивается его принадлежность к какому-либо сообществу, от лица которого он выступает: «По поручению бригады строителей Т. С. Вервинишко», «По поручению родных, коллег и знакомых Юрий Шмелев», «От имени ветеранов войны, родных и близких инвалидов ВОВ, полковник в отставке Н. И. Жепко», «Борис Бойченко, член союза писателей РФ».

Некрологи в «Царскосельской газете» чаще всего публикуются на последних страницах в разделе с объявлениями. Они могут соседствовать с поздравлениями, официальной информацией, объявлениями и разнообразной рекламой. Также их можно встретить и в специальном разделе «София» — на православной странице Царскосельского благочиния Санкт-Петербургской епархии. Ни разу мной не был зафиксирован факт, когда бы некрологи или извещения о смерти печатались на передовице.

В редких случаях некрологи помещаются на вторую или третью полосу газеты. Как правило, там оказываются некрологи наиболее известным и заслуженным царскоселам, почетным жителям города. Так, к примеру, на этих страницах мне встретились некрологи академику Академии сельскохозяйственных наук и ученому в области прикладной ботаники, руководителю местной налоговой инспекции, ведущему специалисту сектора социальной поддержки Пушкинского района, историку и искусствоведу, художнику-реставратору ГМЗ «Царское Село», декану агрономического факультета аграрного университета, отставному генерал-майору и одновременно председателю пушкинской организации ветеранов, основателю Центра технического творчества.

И, наконец, лишь один раз (в выпуске «Царскосельской газеты» № 1 от 13 января 2012 года) мной был зафиксирован случай, когда некрологи одному человеку (их было 4) занимали всю страницу —

целая полоса была посвящена смерти скульптора-реставратора, почетного гражданина Пушкина – Лилии Михайловне Швецкой.

Таким образом, издание берет на себя ответственность за формирование определенной социальной иерархии, и номер страницы в газете оказывается одновременно «номером» ступени на иерархической лестнице. Особого места на ней удостоиваются люди, занимавшие руководящие должности или участвовавшие в созидательной творческой и научной деятельности. И если печать некролога в газете сама по себе свидетельствует о том, что его персонаж был социально значимым и важным членом сообщества, то публикация некролога на первых страницах издания или отведение под некрологи тому или иному лицу целой полосы говорят об особом признании заслуг умершего, о высокой оценке его и его деятельности. Об этом же свидетельствует и размер некролога. Более длинные некрологи пишутся более заслуженным и известным людям.

Несмотря на то, что самым распространенным видом заглавия некролога является нейтральное указание имени, отчества и фамилии умершего (много реже: фамилии, имени и отчества), фигура покойного может быть представлена через следующие идентичности:

1) *Покойный – обладатель определенной профессии, дела жизни*: «Талантливому историку, учителю посвящается», «Песня – ее жизни» (некролог, посвященный учителю пению пушкинского Дома культуры), «Ушел из жизни председатель пушкинского отделения общества “Знание”», «Заслуженный работник культуры...», «От сына полка до генерала» (здесь же делается намек на то, какой длинный, но успешный профессиональный путь прошел умерший), «Мы бесконечно скорбим о художнике», «Светлой памяти товарища и редактора», «Памяти редактора», «18 октября 2002 года трагически погиб полковник милиции...», «Памяти педагога», «Всю свою сознательную жизнь... отдал служению Родине», «Генерал-майор в отставке, ветеран литературного объединения при “Царскосельской газете”», «Памяти мастера», «Светлой памяти петербургского поэта», «А слово поэта бессмертно», «Памяти поэта».

2) *Покойный – житель города*: «Житель города Пушкина», «Почетный гражданин города Павловска», «Почетный гражданин города Пушкина», «Ушел из жизни наш односельчанин» (в данном заглавии выражена мысль не только о том, что усопший был уроженцем Царского Села, но и о том, что умер член некой общности, которой как будто предлагается разделить траур).

В представленном ниже отрывке мы видим, что причастность умершего к самому ценному для жителей города культурному объекту, предмету их гордости, Царскосельскому парку, «самоотверженная, творческая, созидательная работа во имя красоты, величия и славы города» квалифицируют покойного как выдающегося че-

ловека. А значит, его смерть — событие городского масштаба, серьезная потеря, о которой должен узнать каждый пушкинец. Но в то же время текст некролога лишний раз напоминает жителям Царского Села, в каком прекрасном и уникальном месте они живут, что их земля «богата замечательными людьми», вселяет в них гордость за то, что они также являются частью этого сообщества:

Пушкинская земля богата замечательными людьми, и среди них Александр Александрович Кедринский был выдающейся личностью. Более полувека отдано им самоотверженной, творческой, созидательной работе во имя красоты, величия и славы нашего города, его дворцов, царскосельских парков. Александру Александровичу, талантливому архитектору, во многом обязаны мы тем, что в год 300-летнего юбилея во всем блеске и величии предстал перед нами Екатерининский дворец с возрожденной Янтарной комнатой. Он много, самозабвенно трудился, с удовольствием делился всем, что умел и знал, с окружающими его людьми. Первым из наших земляков в 1994 году Александр Александрович Кедринский был удостоен высокого звания «Почетный гражданин города Пушкина» (курсив мой. — К. О.)¹.

На мой взгляд, в приведенном тексте в каком-то смысле проявлена квинтэссенция институциональности жанра некролога. Его персонаж занимал центральное место в функционировании самого главного учреждения города, которое во многом определяет особый статус и уникальность Пушкина среди других локаций Петербурга и Ленинградской области. И сама деятельность покойного, и место, в пределах которого она осуществлялась, затмевают персональные черты личности умершего. Александр Александрович Кедринский вписан в публичную память жителей Пушкина исключительно в терминах и метафорах, относящихся к его профессиональным обязанностям и самому месту работы.

Корреляции профессиональной области, которой принадлежал покойный, и его профессиональных обязанностей, представленных в некрологе, был посвящен мой доклад «Город, горожанин и горожанка в некрологах локальной прессы» на XI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков» [Онишко 2018].

3) *Покойный — обладатель высокого звания или должности:* «Памяти академика», «Кандидат исторических наук, профессор, капитан 1-го ранга...», «Памяти Героя Советского Союза».

4) *Покойный — участник сети межличностных отношений:* «Памяти коллеги», «Памяти друга», «Памяти товарища», «Прощай, ко-

¹ Царскосельская газета. 2003. 26 сент. № 45.

мандир!», «Памяти ученика, одноклассника», «Память о коллеге», «Оборвалась жизнь замечательного человека...».

Наименования, указанные в заглавии, задают, в каком именно регистре будет исполнено некрологическое высказывание. Определение характера связи между адресантом и центральной фигурой высказывания — умершим, явленное в заглавии некролога, сигнализирует о том, с какой именно стороны последний будет охарактеризован, на каких его профессиональных и личностных характеристиках будет сделан акцент. Выбранная в качестве заголовка номинация сообщает нам, увидим ли мы в некрологе какие-то более личные, интимные воспоминания об умершем (как он вел себя в неформальной обстановке, как проводил время с друзьями, любил ли дачу, каким хорошим чувством юмора он обладал, каким приветливым был в трубке его голос), или же высказывание будет опираться исключительно на воспоминания о нем как о коллеге, профессионале (как он справлялся со своей работой, какие профессиональные награды ему удалось получить, как к нему относились коллеги и как он общался с ними).

Поскольку, как уже говорилось выше, некрологическое высказывание чаще всего инициировано определенным учреждением (одним или несколькими), с которым был связан покойный, акцент в первых строках некролога делается именно на профессии, роде занятия умершего, принадлежности к той или иной корпорации: «На 77-м году ушел из жизни Игорь Борисович Западалов, талантливый журналист, редактор нашей газеты с 1965 по 1975 гг.», «На 86-м году ушла из жизни Нинель Григорьевна Барачевская, которую хорошо знали по работе в учреждениях народного образования и Министерства связи, высоко ценили и уважали многие пушкинцы», «5 апреля после тяжелой болезни на 65-м году жизни скончался наш дорогой товарищ — заместитель директора КДЦ “София” Илья Иванович Серяков».

Когда авторский замысел состоит в том, чтобы сказать о персонаже некролога именно как о своем коллеге, в тексте мы видим описание профессиональной биографии умершего:

Всю свою сознательную жизнь Воля Иванова посвятила образованию и воспитанию подрастающего поколения. 55 лет ее трудовой деятельности были неразрывно связаны с 409-й школой, где она прошла путь от учителя математики до заместителя директора по учебной части. Школа была для нее вторым домом, которому она отдавала душу и сердце².

Нередко в некрологе мы сталкиваемся с сюжетом, когда покойный добивается своих успехов, пройдя непростой жизненный путь,

² Царскосельская газета. 2015. 15 янв. № 1.

начиная с самого малого: «Петр Андреевич прошел славный путь от студента до профессора, декана факультета...», «С 18 лет жизнь В. С. Степанова была связана с армией, в которой он прослужил свыше 20 лет, пройдя путь от солдата до полковника».

Рассмотрим, к примеру, некролог социальному работнику, ведущему специалисту сектора социальной поддержки населения г. Пушкина, опубликованный в «Царскосельской газете» № 48 от 29.11.2007. Все успехи, все достижения покойной и даже ее лучшие душевные качества будут направлены на изображение ее как настоящего профессионала своего дела. В данном случае будет создаваться впечатление, что именно профессиональная принадлежность будет определять человека, задавать тон его отношениям с другими людьми, его поступкам:

Наталья Андреевна умела быстро решать вопросы. Оптимизм и энергия помогали ей всегда — она участвовала во всех соревнованиях, будь то лыжи, городки, стрельба или плавание. Первой в коллективе она шла на донорский пункт сдавать кровь. Была вдохновителем прекрасных праздников, преданным другом, отличным товарищем, пользовалась всеобщим уважением коллег. Администрация Санкт-Петербурга и районная администрация неоднократно поощряли Наталью Андреевну — *прекрасного работника и «человека на своем месте»*³.

Даже факты личной судьбы становятся в данном случае лишь предпосылками к успешной трудовой деятельности: «Наталья Андреевна родилась и выросла в семье военнослужащих, и чувство долга, ответственность за порученное дело были присущи ей с детства».

В некрологах, в которых профессия «поглощает» реальную личность, нередко мы можем встретить восходящую к панегирической традиции похвалу умершего именно с точки зрения служения другим людям, самоотверженности, преданности своему делу, поступкам на благо других. Этот мотив есть и в некрологе, рассмотренном выше:

По зову сердца в 1994 году она пришла работать в социальную сферу, чтобы помогать людям, и посвятила служению этому благородному делу долгие годы. Больные, престарелые пенсионеры, инвалиды — Наталья Андреевна знала все их беды и заботы, и никого не оставляла без помощи.

Являясь по своей сути панегирическим жанром, некролог трудно отличим от поздравительного адреса — жанра, широко бытующего

³ Царскосельская газета. 2007. 11 нояб. № 48.

щего в профессиональной сфере общения. О. В. Куратов в книге «Хроники русского быта 1950–1990 гг.: неофициальная фактография» описывает свой опыт написания поздравительных адресов по поручению коллег-инженеров на заводе. Подобного рода тексты у него получались особенно хорошо и вот почему:

В моем персональном сейфе хранилась заветная толстая папка, состоящая из нескольких папок потоньше. Каждая из этих папочек имела свое название: партийные работники; хозяйственники; военачальники; ученые; выдающиеся деятели искусств. Регулярно просматривая три центральные газеты («Правду», «Известия» и «Труд»), я тайно вырезал из них все некрологи и регулярно пополнял ими свой адресный арсенал. Тексты некрологов были самым совершенством и не требовали никаких изменений, кроме времени глаголов⁴.

Выбор, вычленение конкретных сюжетов для описания жизни покойного говорит о том, какие жизненные сценарии, модели поведения и поступки являются ценными для автора высказывания. И. С. Веселова в своей статье «Нарратология стереотипной достоверной прозы» пишет следующее:

События «вырезаются» из жизненного континуума в соответствии с мировоззрением человека, который излагает эти события. Поскольку мировоззрение формируется под воздействием коллектива, то отбор событий есть факт причастности коллективу, общему знанию [Веселова].

Остальные же, не вполне положительные или не вполне важные, с точки зрения говорящего, факты выходят за рамки описываемой сцены жизни человека.

С одной стороны, автор высказывания, исходя из своего замысла и собственного отношения к предмету высказывания, выбирает то, что должно быть особо отмечено в жизни покойного; но, с другой стороны, им транслируются те нормы и характеристики, которые считаются в обществе положительными и важными: школа для учителя должна быть вторым домом, социальный работник должен быть самоотверженным и беззаветно помогать людям, военный — защищать свою Родину.

Одновременно с анализом некрологов как письменных речевых жанров современной городской похоронно-поминальной традиции я заинтересовалась тем, как репрезентируется фигура покойного в пространстве современного городского кладбища. Я посетила два главных кладбища Пушкина — Казанское и Кузьминское.

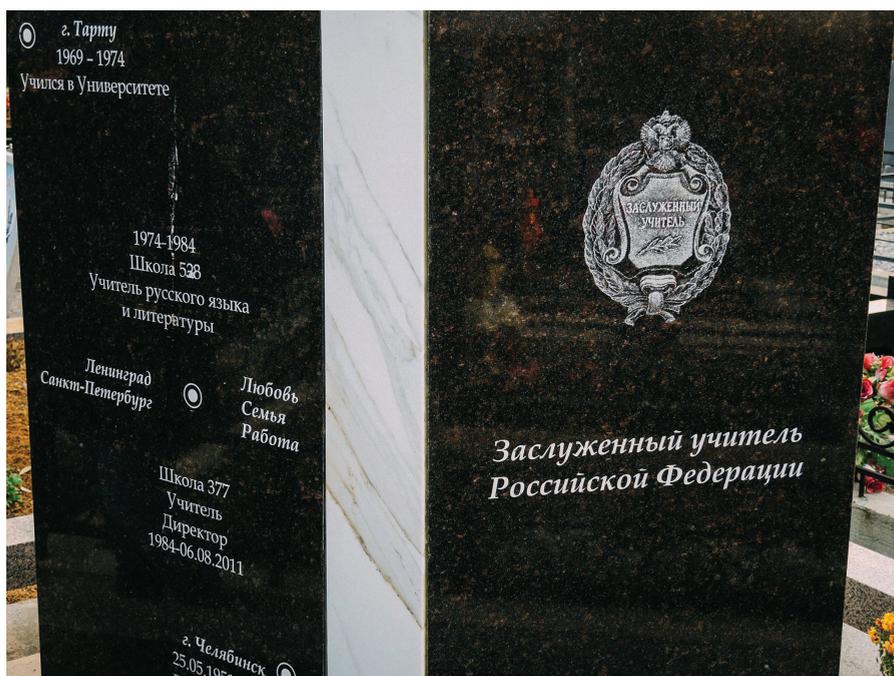
⁴ Куратов, О. В. (2004). *Хроники русского быта 1950–1990 гг.: неофициальная фактография*. М.: ДеЛин принт. С. 72.

Несмотря на то, что Кузьминское кладбище считается одним из самых старых в Петербурге, на нем оказалось гораздо больше современных могил — начала XXI века. По счастливому стечению обстоятельств мне удалось посетить его вместе с замечательным пушкинским фотографом и фотохудожником Софьей Разумовской, фотографии которой далее помогут проиллюстрировать полученные наблюдения.

Рассмотрев пространство современного городского кладбища, в котором надгробия являются носителями концентрированных сообщений о покойных, а изображения на памятниках — многослойным текстом, социолог Кирилл Шерстобитов пришел к заключению, что «акт реконструкции памятника об умершем происходит с акцентом на его социальных (не личностных) характеристиках — фиксируются не свойства характера, но атрибуты профессии, дается указание на увлечения, статус или же момент из биографии» [Шерстобитов 2015: 180]. Посмертную репрезентацию человека, по мнению исследователя, можно представить таким образом, что она будет метафорически отсылать к прижизненной способности действовать, вдыхать жизнь в неживые объекты, менять мир вокруг — иными словами, указывать на профессию, которая как ничто иное утверждает умершего в качестве субъекта [Там же: 181]. На Кузьминском кладбище я столкнулась с похожей ситуацией.

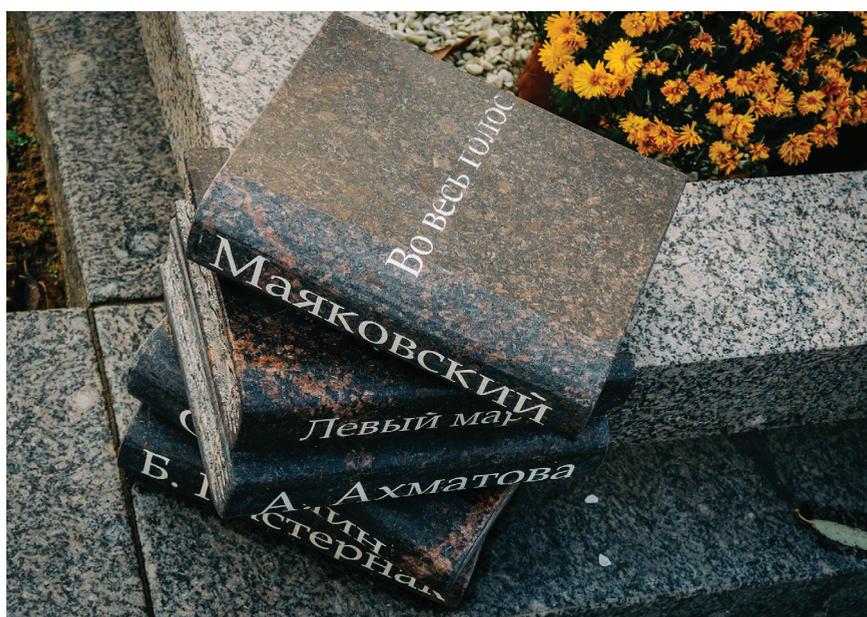

Илл. 1. Надгробие учителя русского языка и литературы. Фото С. Разумовской
 Ill. 1. Tombstone of a teacher of Russian language and literature. Photo by S. Razumovskaya

Илл. 2. Надгробие учителя русского языка и литературы (обратная сторона).
Фото С. Разумовской

III. 2. Tombstone of a teacher of Russian language and literature (reverse side).
Photo by S. Razumovskaya

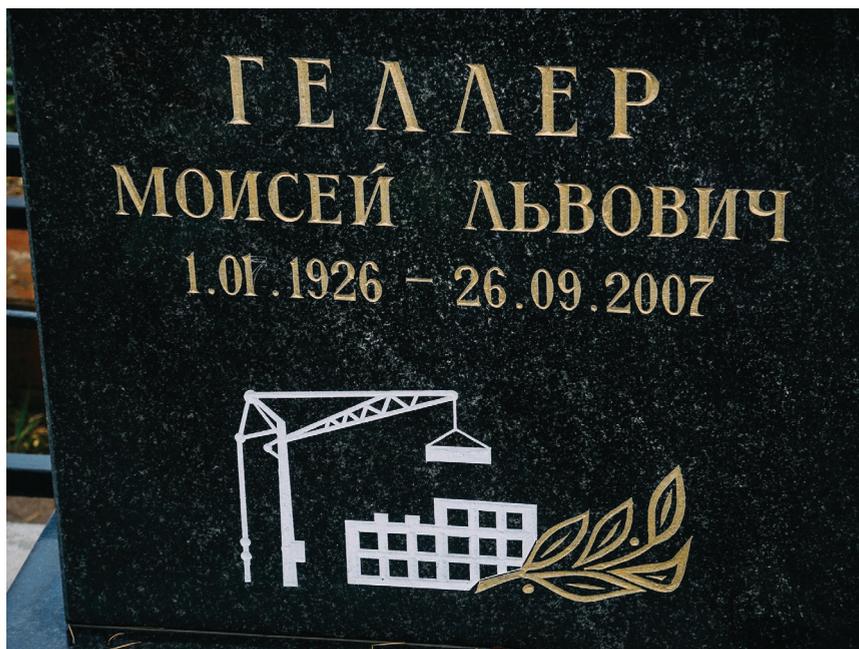

Илл. 3. Фрагмент оформления могилы учителя русского языка и литературы.
Фото С. Разумовской

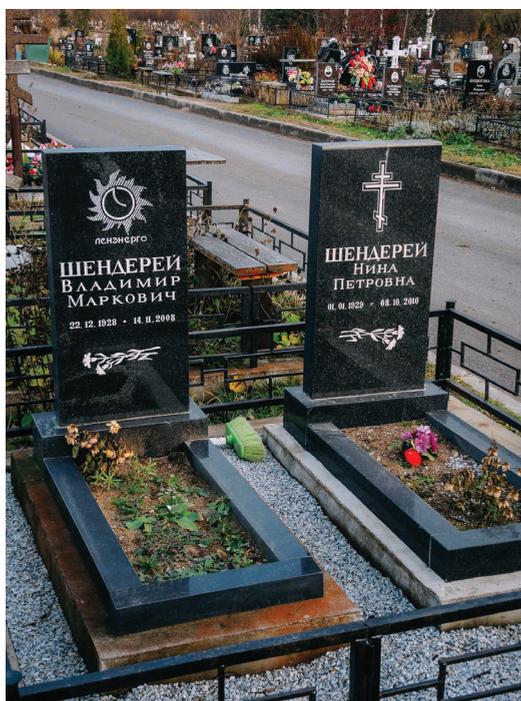
III. 3. Fragment of the decoration of the grave of a teacher of Russian language and literature. Photo by S. Razumovskaya

На *Илл. 1* и *Илл. 2* можно увидеть по-своему роскошную могилу заслуженного учителя русского языка и литературы, профессиональная жизнь которого в полной мере нашла отражение в оформлении надгробия: с обратной стороны надгробия, как минимум, четыре (!) раза указано, кем был умерший (учителем, директором школы, носил звание заслуженного учителя Российской Федерации), само надгробие выполнено в виде открытой книги. На причастность к русской литературе указывают и оформление места захоронения: мраморные стопки книг (произведений школьной программы), расположенные по углам могилы (*Илл. 3*). При этом эпитафия на надгробии посвящена «самому лучшему в мире мужу, папочке и дедуленьке Юранечке», однако и в ней фигурируют метафоры, отсылающие к профессиональной деятельности умершего: «Ты нас учил любить, прощать...», «Учил нас дружбой дорожить...», «Ты не дал лишь последний свой урок...», а родные покойного представлены в качестве учеников: «И каждый день теперь для нас борьба, / Мы учимся жить...».

Разумеется, далеко не все могилы столь же ярко отражают причастность умершего к институту, с которым он был связан на протяжении всей своей жизни. На *Илл. 4* и *Илл. 5* можно заметить, что указание на профессиональную область, в которую был включен покойный, может быть запечатлено на надгробных плитах довольно схематично. В первом случае — это подъемный кран со строительным блоком, что, вероятнее всего, намекает на вовлеченность покойного в сферу строительства, во втором — эмблема старейшей в Петербурге электрической компании «Ленэнерго», что говорит о причастности покойного к сфере энергетики. Думается, что эти символы довольно репрезентативны, и их выбор в качестве фрагмента оформления надгробия говорит о том, что близкие покойного решили воспользоваться институционализированным символическим языком для сообщения информации достаточно высокой степени релевантности, коль скоро именно эта информация оказалась зафиксирована во времени и публичной памяти. Так, к примеру, на некоторых могилах с обратной стороны надгробия встретились выгравированный летящий среди облаков пассажирский самолет авиакомпании «Пулково» (*Илл. 6*), выгравированные очертания Антарктиды, фигурка пингвина и изображение идущего ледокола (*Илл. 7*), выгравированное изображение портального крана (*Илл. 8*). Все эти изображения представляются мне не только довольно красноречивыми, но и оригинальными, примечательными и даже трогательными.

Илл. 4. Фрагмент оформления надгробной плиты. Фото С. Разумовской
Ill. 4. Fragment of the tombstone design. Photo by S. Razumovskaya

Илл. 5. Надгробная плита (слева) с эмблемой компании «Ленэнерго». Фото С. Разумовской
Ill. 5. Tombstone (on the left) with the emblem of the company "Lenenergo". Photo by S. Razumovskaya

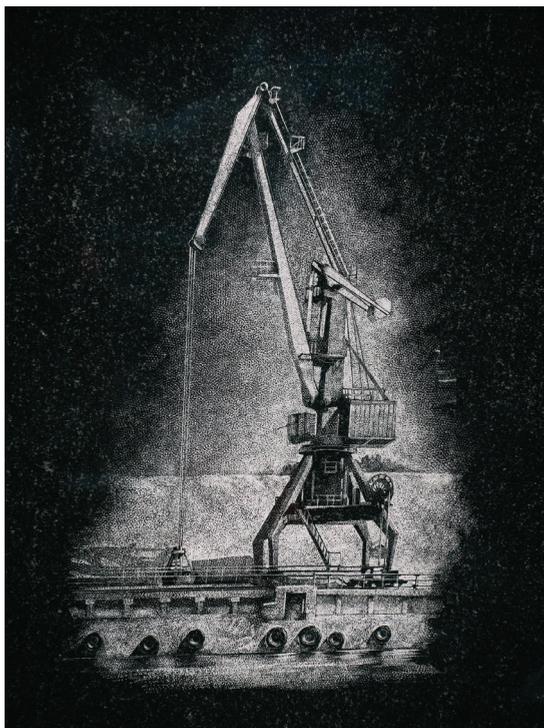
Илл. 6. Надгробная плита (обратная сторона) с выгравированным изображением летящего пассажирского самолета. Фото С. Разумовской

Ill. 6. Tombstone (reverse side) with an engraved image of a flying passenger plane. Photo by S. Razumovskaya

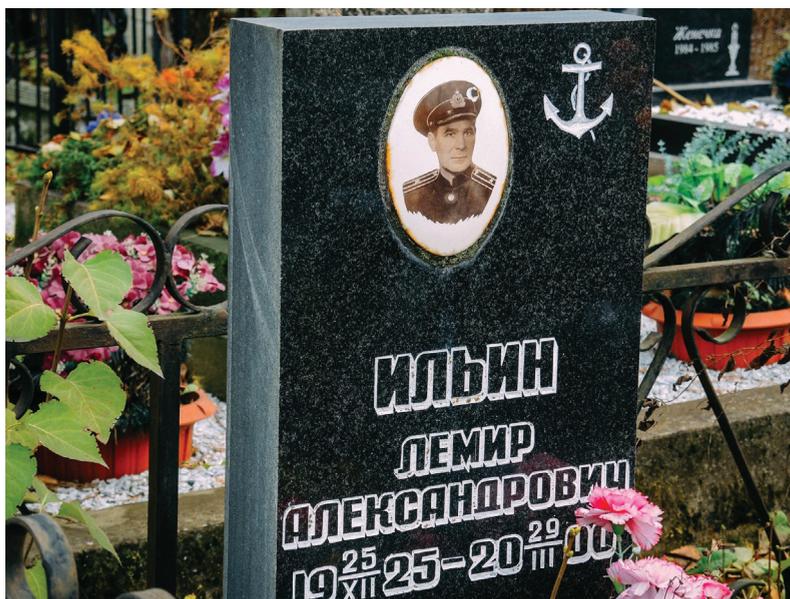

Илл. 7. Надгробный камень (обратная сторона) с выгравированным очертанием Антарктиды, фигуркой пингвина и изображением идущего ледокола. Фото С. Разумовской

Ill. 7. Tombstone (reverse side) with an engraved outline of Antarctica, a penguin figurine, and an image of an icebreaker in motion. Photo by S. Razumovskaya

Илл. 8. Надгробная плита (обратная сторона) с выгравированным изображением порталного крана. Фото С. Разумовской
Ill. 8. Tombstone (reverse side) with an engraved image of a portal crane. Photo by S. Razumovskaya

Илл. 9. Надгробная плита с выгравированным якорем и эмалевым фотопортретом покойного в форме ВМФ. Фото С. Разумовской
Ill. 9. Tombstone with an engraved anchor and an enamel photo portrait of the deceased in a Navy uniform. Photo by S. Razumovskaya

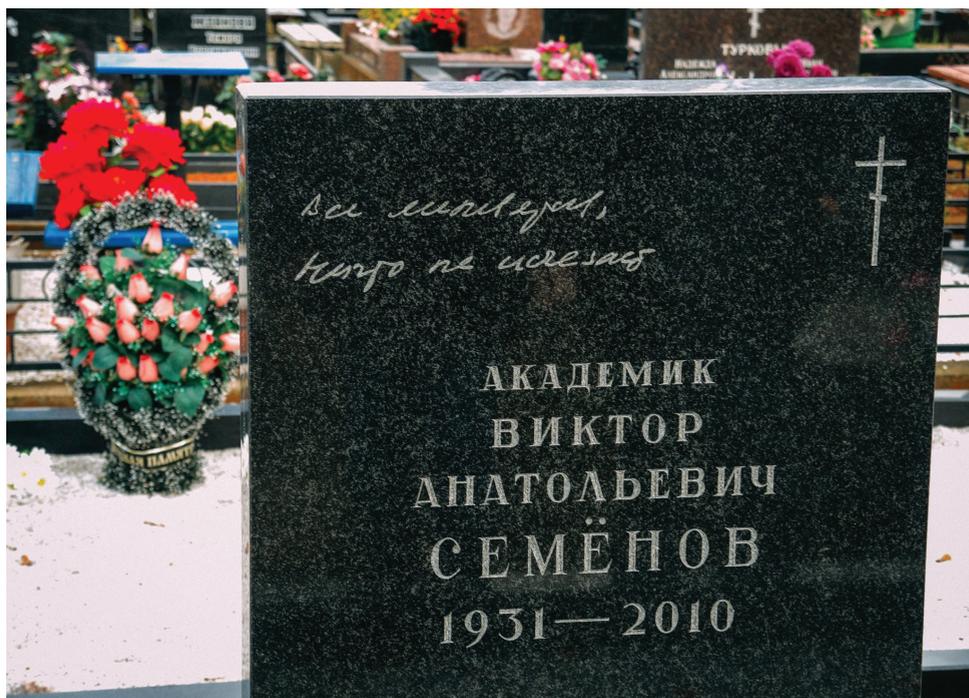
Илл. 10. Фрагмент надгробной плиты с выгравированным портретом покойного в форме ВМФ. Фото С. Разумовской

Ill. 10. Fragment of a tombstone with an engraved portrait of the deceased in a Navy uniform. Photo by S. Razumovskaya

Илл. 11. Фрагмент надгробной плиты с выгравированным научным званием покойного на ней. Фото С. Разумовской

Ill. 11. Fragment of a tombstone with the deceased's academic title engraved on it. Photo by S. Razumovskaya

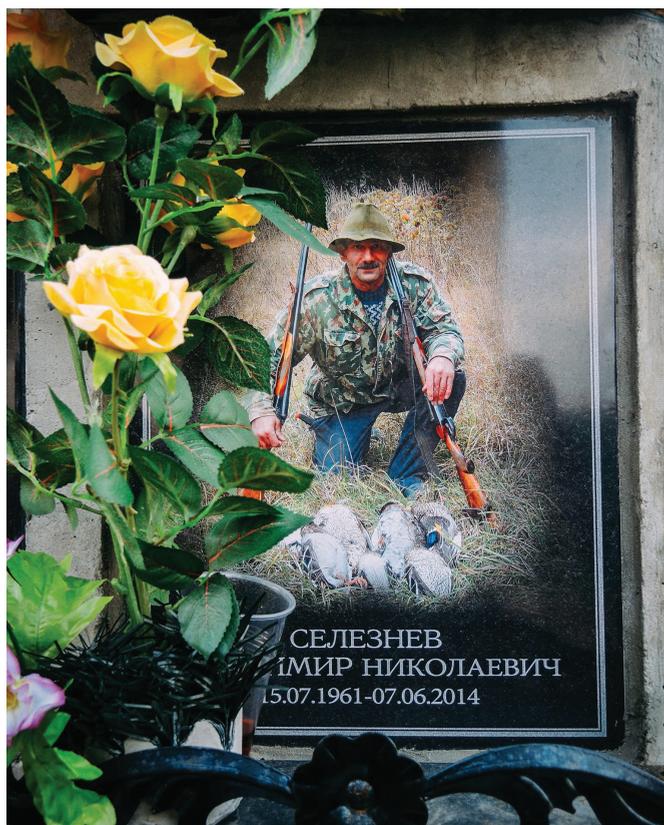
Илл. 12. Фрагмент надгробной плиты с выгравированным научным званием покойного на ней. Фото С. Разумовской

Ill. 12. Fragment of a tombstone with the deceased's academic title engraved on it. Photo by S. Razumovskaya

На *Илл. 9* и *Илл. 10* можно увидеть надгробные плиты без дополнительных знаков-символов профессий: на них помещены изображения самих покойных в морской военной форме. А для людей, заказавших надгробия, представленные на *Илл. 11* и *Илл. 12*, важно было упомянуть высокое академическое звание, которое носили умершие — оно указано рядом с именем, отчеством и фамилией покойного.

Рассматривая могилы московских и екатеринбургских мафиози, Ольга Матич говорит о том, что кладбище часто отражает земные успехи покойных:

Оно напоминает о недостижимости бессмертия в этом мире, однако в плане реальной жизни представляет собой локус, где обладавшие богатством и властью могут и после смерти продемонстрировать свой успех. Роскошная похоронная церемония, великолепный надгробный памятник в большинстве случаев свидетельствуют о том, что почивший преуспел в земной жизни [Матич 2021: 255].

Илл. 13. Фотография на ячейке колумбария. Фото С. Разумовской
Ill. 13. Photograph on a columbarium cell. Photo by S. Razumovskaya

Полагаю, что и для близких покойных, обладавших при жизни высоким статусом (например, высоким академическим званием), крайне значимой является демонстрация земного успеха умершего в пространстве мертвых.

Очевидно, что не только профессиональная идентичность может быть эксплицирована посредством запечатления на надгробии. Например, фотография из колумбария (*Илл. 13*) отсылает нас к сфере увлечений покойного — утиной охоте. И этот пример не единственный такого рода. Но при этом профессия и трудовая деятельность все равно остаются теми важными сферами жизни умершего, которые отмечаются посмертно, при помощи которых формируется облик покойного, доступный живым.

Тем не менее, я не могу сказать, что оперирование институциональными терминами и клише, предзаданными метафорами и эпитетами — это единственный способ описания умершего. В статье «Прагматика некролога: позиция автора» мною была сделана попытка рассмотреть специфику самого процесса написания некролога в зависимости от отношения пишущего к сво-

ему тексту и герою этого письменного высказывания, иными словами, от контекста, в рамках которого высказывание совершалось [Онишко 2018]. На материале 10 глубинных тематических интервью, взятых мною в 2017 году у жителей трех больших городов (Санкт-Петербурга, Москвы и Красноярска) 1967–1990 годов рождения, я рассматривала два подхода к написанию некрологов: профессиональный и личный. Среди своих информантов я выделила тех, для кого написание некрологов являлось рабочей, профессиональной необходимостью (корреспонденты, журналисты, новостные редакторы, пресс-секретари), и тех, кто написал некролог «по велению сердца»: своему коллеге, преподавателю, деловому партнеру, другу.

В итоге я пришла к выводу, что даже среди профессиональных авторов опыт составления некрологов может быть очень разным: от отстраненного, в чем-то даже циничного, подхода к созданию текста до сложного эмоционального переживания смерти героя некролога. Пишущий может поставить перед собой задачу просто сообщить о том, что известный человек умер, может отказаться от написания текста, если, по его мнению, слова будут излишни, но также он может задаться целью просветить людей относительно того, кем был покойный, и добиться эмоциональной реакции на его смерть. В некрологах покойный может быть представлен с помощью привлечения свидетельств других известных людей, знавших его, с помощью собственных цитат или с помощью особых средств, которые, как сказал один из моих информантов, могут передать «суть и дух человека».

В некрологах «Царскосельской газеты» мне также удалось найти примеры такого подхода к ритуальному высказыванию. Иногда автор отходит от способа говорения о покойном как о коллеге или сослуживце, снабжая текст, к примеру, собственными, личными воспоминаниями об умершем:

Сотни людей в Пушкине и окрестностях называли его просто «Матвейчем». А он любил людей, часами выслушивал в кабинете редакции исповеди посетителей, всегда пытался подержать. Веселый человек, юморист, он был не только журналистом, но и писателем-сатириком, невероятным меломаном и книголюбом. И до последней минуты оставался среди людей, на перекрестке событий и мнений. У него было незащищенное детское сердце⁵.

Это отрывок из некролога бывшему главному редактору «Царскосельской газеты», Александру Матвеевичу Нестеренко. В данном случае автору некролога было важно изобразить умершего не только как профессионала, но и как человека, хорошо и близко

⁵ Царскосельская газета. 2002. 26 окт. № 84.

общавшегося со многими людьми, постоянно среди них находившегося, знакомого многим. Не лишним будет при этом отметить, что подобный неформальный рассказ об умершем — о наиболее ярких чертах его характера, о ситуациях, в которые он попадал вместе с рассказывающим, — характерен для так называемых биографических поминальных нарративов, позволяющих совместно вспомнить усопшего во время обеда на первых поминках, то есть в ситуации, рассчитанной на меньшую аудиторию, чем аудитория читателей газеты [Сафронов 2009].

Английский социолог Тони Уолтер писал о том, что оставшиеся в живых на самом деле обычно хотят говорить о покойном: цель скорби состоит в конструировании биографии, которая дает возможность живым интегрировать память об умершем в их продолжающуюся, длящуюся жизнь. Процесс, посредством которого это достигается, представляет собой разговор с другими людьми, знавшими покойного [Walter 1996]. Я же полагаю, что процесс написания некролога также является частью скорби через конструирование рассказа об умершем. Однако выбор, в пределах какой именно смысловой и понятийной рамки будет осуществляться высказывание, часто зависит от сферы общения, внутри которой разворачивалась коммуникация автора некролога и его персонажа. Как показывают мои данные, отчего-то мы делаем выбор в пользу языка институтов, заложниками которых мы, сами того не ощущая, становимся, даже если говорим о важных и близких людях.

Литература

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- Веселова, И. С. *Нарратология стереотипной достоверной прозы*. Режим доступа: https://folk.ru/Research/veselova_narratolog.php
- Дуглас, М. (2020). *Как мыслят институты*. М.: Элементарные формы.
- Матич, О. (2021). *Музеи смерти: Парижские и московские кладбища*. М.: Новое литературное обозрение.
- Онипко, К. А. (2016). Бытование некролога в социальном порядке небольшого города. *Археология русской смерти*, 2016(2), 155–174.
- Онипко, К. А. (2018). Город, горожанин и горожанка в некрологах локальной прессы. В Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина (Ред.). *Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород, в 2-х томах, 1*, 314–315. М.: ИЭА РАН.
- Онипко, К. А. (2018). Прагматика некролога: позиция автора. *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*, 2018(9), 50–60. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-50-60>
- Орлова, Г. А. (2009). Биография (при)смерти: заметки о советском политическом некрологе. *Неприкосновенный запас*, 2009(2). Режим доступа:

<https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/biografiya-pri-smerti-zametki-o-sovetskom-politicheskom-nekrologe.html>

Сафронов, Е. В. (2009). Актуализация dream-telling в похоронно-поминальном обряде (на материале Ульяновской области). *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Фольклористика»*, 2009(9), 159–168.

Шерстобитов, К. А. (2015). «Дополнительная информация» на памятниках: анализ оформления материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны. *Археология русской смерти*, 2015(1), 169–192.

Brooks, J. (1991). Revolutionary lives: public identities in Pravda during the 1920s. In S. White (Ed.). *New Directions in Soviet History*, 27–40. Cambridge: Cambridge univ. press.

Walter, T. (1996). A New Model of Grief: Bereavement and Biography. *Mortality*, 1(1), 7–25. <https://doi.org/10.1080/713685822>

References

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The social construction of reality: A Treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. (In Russian).

Brooks, J. (1991). Revolutionary lives: Public identities in Pravda during the 1920s. In S. White (Ed.). *New Directions in Soviet History*, 27–40. Cambridge: Cambridge univ. press.

Douglas, M. (2020). *How institutions think*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Matich, O. (2021). *Museums of death: Paris and Moscow cemeteries*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).

Onipko, K. A. (2016). The existence of the obituary in the social order of a small town. *Archaeology of Russian death*, 2016(2), 155–174. (In Russian).

Onipko, K. A. (2018). Pragmatics of Obituary. Author's Position. *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2018(9), 50–60. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-9-50-60> (In Russian).

Onipko, K. A. (2018). The town, the townsman, and the townswoman in the obituaries of the local press. In N. L. Pushkareva, N. A. Gronskaja, N. K. Radina (Eds.). *City dwellers and city men in political, economic, and cultural processes of Russian urbanization in the 14th–21st centuries. Proceedings of the Eleventh International Scientific Conference of the RARWH and the IEA RAS, October 4–7, 2018, Nizhny Novgorod, in 2 volumes, 1*, 314–315. Moscow: Institut jetnologii i antropologii Rossijskoj Akademii Nauk. (In Russian).

Orlova, G. A. (2009). (Close to) Death biography: Notes on the Soviet political obituary. *Neprikosnovenny zapas*, 2009(2). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/biografiya-pri-smerti-zametki-o-sovetskom-politicheskom-nekrologe.html> (In Russian).

Safronov, E. V. (2009). Actualization in funeral rites (Based on of the Ulyanovsk region material). *RSUH/RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2009(9), 159–168. (In Russian).

Sherstobitov, K. A. (2015). “Additional information” on the monuments: Analysis of decoration of the material and architectural sign space by the case of the city cemeteries of Kimry and Dubna. *Archaeology of Russian Death*, 2015(1), 169–192. (In Russian).

Veselova, I. S. *Narratology of stereotypical authentic prose*. Retrieved from https://folk.ru/Research/veselova_narratolog.php (In Russian).

Walter, T. (1996). A New Model of Grief: Bereavement and Biography. *Mortality*, 1(1), 7–25. <https://doi.org/10.1080/713685822>